

Моим маме и папе

Хроника первая
ЖЕНЩИНА
ПОД ПРИЦЕЛОМ

Этой благостной ночи не потревожила даже тень зла, ибо она прислушивалась, не раздалось ни голоса зла, тишину не прорезал ни один пронзительный совиный крик. Она знала это, ибо всю ночь прислушивалась.

*Джон Джозеф Мэтьюз
«Закат»*

Глава 1

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

В апреле поросшие дубравами холмы и обширные прерии резервации индейцев-осейджей в Оклахоме устилают мириады мелких цветов. Анютины глазки, виргинские клейтонии, голубые хоустонии...¹ По замечанию летописца осейджей Джона Джозефа Мэтьюза, эти галактики лепестков кажутся «конфетти, рассыпанными богами»². В мае, когда койоты воют на пугающе огромную луну, цветы покрупнее вроде традесканции и волосистой рудбекии начинают теснить маляток, отнимая у них свет и воду. Те никнут, опадают и вскоре уже покоятся под землей. Потому май осейджи называют месяцем, убивающим цветы.

24 мая 1921 года Молли Беркхарт, жившая в осейджском поселении Грей-Хорс, Оклахома, забеспокоилась, не случилось ли чего с одной из трех ее сестер, Анной Браун. 34-летняя Анна, которая была старше Молли меньше чем на год, пропала три дня назад³. Она часто уходила в «загулы», как их пренебрежительно называли в семье: танцевала и выпивала с друзьями до самого рассвета. Однако на сей раз прошла ночь и еще одна, а Анна так и не появилась, как обычно, на веранде — длинные черные волосы слегка растрепаны, темные глаза горят стеклянным блеском. Зайдя, Анна любила сбросить туфли, и Молли тосковала по успокаивающему звуку ее неспешных босых шагов. Вместо него была лишь тишина, как в прерии.

Без малого три года назад Молли уже потеряла другую сестру, Минни. Та умерла шокирующе скоропостижно, и, хотя врачи объясняли ее смерть «необычайно изнурительной болезнью»⁴, Молли втайне грызли сомнения: Минни было всего 27 лет, и на здоровье она никогда не жаловалась.

Имена Молли и сестер, как и их родителей, были занесены в племенной список осейджей. Это значило, что они являлись официально зарегистрированными членами племени. А также — что они были богаты. В начале 1870-х годов осейджей вытеснили из Канзаса, с их земель в скалистые, казавшиеся бросовыми резервации на северо-востоке Оклахомы, однако спустя всего несколько десятилетий здесь открыли одно из крупнейших в Соединенных Штатах нефтяных месторождений. Нефтепромышленники вынуждены были платить индейцам за аренду земли, а также за право разработки природных ресурсов. В начале XX века каждый из списка племени ежеквартально получал чек. Поначалу он составлял всего пару долларов, однако со временем, по мере расширения нефтедобычи, дивиденды достигли сотен, а потом и тысяч. Они росли каждый год, и подобно тому, как ручьи прерий, сливаясь, образуют широкую мутную реку Симаррон, так индейцы племени в итоге начали получать миллионы. В одном только 1923 году им выплатили свыше 30 миллионов долларов, что в пересчете на сегодняшние деньги равно 400 миллионам. В те времена по среднедушевому доходу осейджи считались богатейшим народом в мире. «Подумать только! — восклицал нью-йоркский еженедельник «Аутлук». — Индейцы вовсе не умирают с голоду... напротив — получают стабильный доход, да такой, что банкиры зеленеют от зависти»⁵.

Публика столбенела от процветания племени, переворачивавшего образ американских индейцев, восхо-

дящий к поре первого жестокого столкновения с белыми — первородного греха, из которого родилась страна. Журналисты распалили зависть читателей рассказами о «плутократах-осейджах»⁶ и «краснокожих миллионерах»⁷, их кирпичных, облицованных терракотой особняках, хрустальных люстрах, бриллиантовых кольцах, меховых мантиях и автомобилях с шоферами. Один из писателей дивился осейджским девушкам, учившимся в лучших частных школах и носившим роскошные французские наряды, как будто «их случайно занесло в убогий городок резервации напрямиком с парижских бульваров»⁸.

Одновременно репортеры выискивали в жизни осейджей мельчайшие приметы традиционного уклада, словно бы добавлявшие индейцам «дикости» в глазах публики. В одной статье описывались «дорогие автомобили, стоявшие вокруг первобытного костра, на котором их владельцы, бронзовые и в ярких одеялах, жарили мясо»⁹. В другой заметке говорилось об осейджах, которые летали на празднество с плясками в частном самолете — сцена, «превосходящая воображение самого смелого романиста»¹⁰. Подытоживая отношение публики к осейджам, газета «Вашингтон стар» писала: «Пора уже перестать причитать: «Ах, бедные индейцы!» — и провозгласить: «Ого! богатые краснокожие!»¹¹

Грей-Хорс было одним из старейших поселений резервации. Эти местечки на далекой окраине страны — в том числе Фэрфакс, соседний город покрупнее, с почти полуторатысячным населением, а также столица округа Осейдж — Похаска, где проживало свыше 6 тысяч человек — казались видениями большого воображения. На шумных улицах смешались ковбои, авантюристы, бутлегеры, прорицатели, знахари, бандиты, федеральные маршалы, нью-йоркские финансисты

и нефтяные магнаты. По выбитым конскими копытами, а теперь мощным дорогам носились авто, запах бензина заглушал ароматы прерий. С телефонных проводов присяжными заседателями глядели вниз стаи ворон. Тут были рестораны и кафе, оперные театры и площадки для игры в поло.

Роскошествуя куда меньше соседей, Молли все же поставила у старого семейного вигвама из связанных жердей, тканых ковриков и коры красивый, хоть и беспорядочно построенный деревянный дом. У нее было несколько машин и штат прислуги — индейских прихлебателей, как насмешливо называли поселенцы рабочих-мигрантов — в основном черных и мексиканцев, хотя в начале 1920-х один из посетивших резервацию с возмущением наблюдал «даже белых», выполнявших «все тяжелые работы по дому, до которых не снизошел бы ни один осейдж»¹².

Молли была одной из последних, кто видел Анну перед исчезновением. В тот день, 21 мая, Молли по привычке, идущей еще с той поры, когда ее отец каждое утро молился солнцу, поднялась чуть свет. Привычный хор луговых жаворонков, тетеревов и куликов теперь заглушали резкие удары вгрызающихся в землю буров. Молли накинула на плечи индейское одеяло — в отличие от многих подруг, она не чуралась одежды осейджей. Вместо модной короткой стрижки она свободно распускала по спине длинные черные волосы.

Ее муж, Эрнест Беркхарт, встал одновременно с ней. 28-летний белый красавчик, готовый актер масовки вестерна: короткие темно-русые волосы, голубые глаза, квадратный подбородок. Слегка подкачал лишь нос, которому, видимо, досталось раз-другой во время драки в баре. Сына бедного техасского ферме-

ра, возделывавшего хлопок, пленили истории о здешних краях — последнем оплоте американского Фронттира, где, по слухам, еще бродили ковбои и индейцы. В 1912 году, девятнадцати лет, он, собрав вещички, как Гек Финн, сбежал на Индейские территории, явившись в Фэрфакс к дяде, властному скотопромышленнику Уильяму К. Хэйлу. «Он был не из тех, кто просил, он приказывал», — как-то обмолвился Эрнест о заменившем ему отца Хэйле¹³. В основном приходилось быть у дяди на побегушках, но Эрнест также водил такси, где и познакомился с Молли.

Эрнест прикладывался к самогону и играл в покер с плохими парнями, однако за его грубостью угадывалась нежность и даже неуверенность в себе, и Молли в него влюбилась. С детства она говорила на осейджском, и хотя в школе кое-как выучила английский, тем не менее Эрнест постигал ее родной язык до тех пор, пока они не смогли свободно на нем объясняться. Она болела диабетом, и Эрнест не отходил от нее, когда у нее выкручивало суставы, а желудок горел от голода. А узнав, что у нее появился другой воздыхатель, пробормотал, что не может без нее жить.

Их женитьба оказалась непростым делом. Крутые дружки обзывали Эрнеста «подкаблучником краснокожей». Сама Молли, хотя все три ее сестры вышли за белых, считала себя обязанной заключить полноценный индейский брак, как у родителей. Однако, воспитанная в смеси традиционных осейджских верований и католицизма, она не понимала, как Бог мог дать ей любимого и тотчас отнять. Поэтому в 1917 году они с Эрнестом обменялись кольцами и поклялись в вечной любви.

К 1921 году у них была двухлетняя дочь Элизабет и восьмимесячный сын Джеймс, ласково прозванный Ковбоем. Еще Молли ухаживала за стареющей мате-

рю, Лиззи, переехавшей в ее дом после смерти мужа. Та поначалу боялась, что страдающая диабетом дочь умрет молодой, и просила позаботиться о себе других детей. Но в действительности обо всех заботилась именно Молли.

День 21 мая обещал быть для Молли приятным — планировался небольшой званый обед, а ей нравилось принимать гостей. Встав и одевшись, она накормила детей. У Ковбоя часто сильно болели ушки, и она дула в них, пока он не перестал плакать. Хозяйство Молли вела образцово, и, едва в доме проснулись, она отдала распоряжения слугам. Все, кроме Лиззи, приболевшей и оставшейся в постели, засуетились. Молли попросила Эрнеста позвонить Анне и узнать, не приедет ли она помочь присмотреть за матерью. Та, хоть и жила у Молли, всегда больше любила и отличала старшую дочь, несмотря на ее буйные выходки.

Когда Эрнест сказал Анне, что она нужна маме, та пообещала сразу взять такси и вскоре явилась — в ярко-красных туфлях, индейском одеяле и юбке в тон, с маленькой сумочкой из крокодиловой кожи в руках. Прежде чем войти, торопливо причесала растрепанные ветром волосы и припудрила лицо. Тем не менее Молли заметила, что походка у нее нетвердая, а говорит она невнятно. Анна была пьяна.

Молли не могла скрыть неудовольствия. Некоторые гости уже прибыли. Среди них двое братьев Эрнеста, Брайан и Хорас Беркхарты, привлеченные в округ Осейдж запахом «черного золота» и часто помогавшие Хэйлу на ранчо¹⁴. Явилась и одна из их тетушек, изрыгавшая расистские нападки на индейцев, и Молли меньше всего хотелось, чтобы Анна злила старую ведьму.

Анна скинула туфли, и началось представление. Сперва она извлекла из сумки и откупорила фляжку,

из которой остро пахнуло бутлегерским виски. Наставивая, что осушить ее надо, пока не арестовали власти — в Штатах был сухой закон, — Анна предложила гостям хлебнуть, как она выразилась, «лучшего белого пойла».

Молли знала, что Анне сейчас несладко. Недавно она развелась с мужем, бизнесменом по имени Ода Браун, владельцем таксопарка. С тех пор она все чаще пропадала в шумных, выросших на буме городках резервации, приютивших и развлекавших рабочих-нефтяников — вроде Уизбанга, о котором говорили, что в нем весь день напролет кутят, а всю ночь напролет трахаются (Название городка образовано из двух этих глаголов. — *Прим. ред.*). «Там вы найдете все силы разврата и зла, — писал федеральный чиновник¹⁵. — Азартные игры, пьянство, адюльтер, ложь, воровство, убийство». Анну манили заведения в темных переулках: пристойные на вид, но с задними комнатами, где на полках блестели бутылки самогона. Впоследствии одна из служанок Анны поведала властям, что та пила много виски и «путалась с белыми мужчинами»¹⁶.

В доме Молли Анна принялась заигрывать с младшим братом Эрнеста Брайаном, с которым когда-то встречалась. Он был угрюмее Эрнеста, с непроницаемым взглядом крапчато-желтых зрачков и зализанными назад редующими волосами. По словам знавшего его служителя закона, работал он на должности «подай — принеси». Когда за обедом Брайан пригласил одну из служанок пойти с ним вечером на танцы, Анна сказала, что убьет его, если он закрутит с другой.

Тетя Эрнеста тем временем бубнила себе под нос, но весьма отчетливо, как она оскорблена женитьбой племянника на краснокожей. Молли даже не отреагировала — прислуживавшая тетушке белая официантка